

«Если бы английские энтомологи собирали так же, как наши...»: первое письмо из Лондона Б.П. Уварова А.П. Семенову-Тян-Шанскому

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ, ВВЕДЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
А.В. КУПРИЯНОВА, А.А. ФЕДОТОВОЙ

Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия;
alexei.kouprianov@gmail.com

Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия; f.anastasia.spb@gmail.com

Вниманию читателей предлагается письмо Бориса Петровича Уварова (1889–1970), одного из ведущих специалистов по прямокрылым насекомым и автора теории фаз у саранчи, к его старшему коллеге и наставнику, зоогеографу и систематику Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому (1866–1942). Это письмо (Лондон, 22 мая 1921 г.) интересно, по крайней мере, в трёх отношениях. Во-первых, впечатлениями Уварова, на тот момент новичка в Британском музее, о рутинных научных практиках местных энтомологов, и в частности, описанием попытки введения непривычного для английских натуралистов способа сбора насекомых «на вату». Во-вторых, осознанием различий в выстраивании профессиональной идентичности российских и британских зоологов. Третий аспект касается надежд и опасений Уварова относительно происходящего в России. Текст письма снабжён комментариями, в которых для упоминаемых в письме лиц и публикаций приведены био- и библиографические справки.

Ключевые слова: Б.П. Уваров, А.П. Семенов-Тян-Шанский, энтомология, коллекции, переписка, саранча, зоогеография.

Вниманию читателей предлагается первое из писем, направленных Б.П. Уваровым (1889–1970) А.П. Семенову-Тян-Шанскому (1866–1942) после того, как Уваров, эмигрировавший из России в годы Гражданской войны, смог обосноваться в Лондоне. Непосредственным поводом к его написанию послужило радостное известие о том, что, вопреки слухам, А.П. жив и работает в Зоологическом музее в Петрограде¹.

Корреспонденты вряд ли нуждаются в представлении историкам зоологии. Имя Б.П. Уварова связано с теорией фаз у саранчовых, которая способствовала подлинной революции в деле контроля популяций этих опасных вредителей². А.П. Семенов-

¹ Как сообщал Уваров в одном из своих писем, примерно месяцем ранее было объявлено о возобновлении регулярного почтового обмена между Англией и Советской Россией (Б.П. Уваров — Н.М. Кулагину, Лондон, 10 апреля 1921 г. Архив РАН. Ф. 445. Оп. 3. № 1244. Л. 8).

² Суть её сводится к тому, что формы, которые до Уварова рассматривали как самостоятельные виды (*Locusta migratoria* и *L. danica*), отличающиеся друг от друга как строением, так и поведением (*L. migratoria* более активна и подвижна, её особи сбиваются в огромные стаи, мигрирующие и уничтожающие растительность на своём пути, в то время как для *L. danica* характерен более «индивидуальный» и «оседлый» образ жизни), в действительности представляющей собой «фазы» одного вида, и переход от одной формы к другой обусловлен плотностью локальной популяции. Это означало, что вопрос о распространении и местах размножения *L. migratoria*

Тян-Шанский прежде всего известен своей классической работой о систематизации внутривидовых категорий, трудами по систематике и зоогеографии жесткокрылых насекомых и созданием целой школы энтомологов, группировавшихся вокруг Зоологического музея, а впоследствии — Зоологического института Академии наук в Санкт-Петербурге — Ленинграде³.

Это письмо положило начало новому этапу их переписки, продолжавшемуся почти до самой смерти А.П.⁴. Из сохранившихся в Академическом архиве фрагментов корреспонденции Уварова именно письма к А.П. кажутся наиболее ценными для историка. В них Уваров делится многими любопытными деталями научной работы, довольно откровенно обсуждает свои идеи, коллег и их публикации, их сильные и слабые стороны. Честность и самоирония автора производят приятное впечатление⁵.

Публикация архивных документов может быть лишь вспомогательным жанром историко-научной литературы, и их появление на страницах специализированной периодики нуждается в каком-то концептуальном оправдании. Это письмо замечательно не только именами корреспондентов, мимолетными упоминаниями примечательных персонажей и хроникой научной работы. В нем мы видим по меньшей мере три важных сюжета, касающихся исторической антропологии науки.

Первый сюжет связан с темой эволюции научных практик. Наивные воззрения на науку нередко связаны с представлениями об универсальности суждений, единстве методов и непроблематичной воспроизводимости результатов. Однако, как хорошо известно самим ученым и историкам науки, на деле мы сталкиваемся с разнообразием исследовательских методов и их значительной локальной специфичностью. Энтомология, составляющая основной предмет занятий корреспондентов, не исключение. Английская энтомология (как и зоология вообще) исторически развивалась в определенной изоляции от континентальной, что, особенно на ранних этапах, приводило, среди прочего, к значительному своеобразию практик коллекционирования. Наиболее широко известные примеры — использование английскими энтомологами так называемого клангета вместо хорошо известных даже далёким от энтомологии людям «континентальных» сачков в виде мешка, надетого на обруч, закреплённый на палке (из-за не вполне верных представлений о деталях устройства и практике применения сачки в Англии не пользовались популярностью до 1830-х гг.) или особая манера накальвания, при которой насекомое располагалось очень близко к острию булавки (примерно

нельзя рассматривать в отрыве от вопроса о распространении казавшейся ранее вполне безобидной *L. danica*.

³ Краткие биографии Б.П. Уварова см.: Wallof, Popov, 1990; Wigglesworth, 1971, А.П. Семенова-Тян-Шанского: Крыжановский, 2002b. Б.П. Уваров, бывший на два десятка лет моложе, считал себя учеником А.П. Семенова-Тян-Шанского, о чём упоминал в письмах к А.П.

⁴ Фонд Семенова-Тян-Шанского в СПФ АРАН содержит два объемных дела с письмами Уварова за 1910–1918 и 1921–1939 гг. (Ф. 722. Д. 1062, 1063).

⁵ К примеру, 5 мая 1928 г., в ответ на избрание его почётным членом РЭО (Русского энтомологического общества), он пишет А.П.: «Моя популярность среди русских коллег начинает меня смущать не на шутку: мне кажется, что она основана частью на моем — в сущности случайном — нахождении здесь в особо благоприятных внешних условиях для работы, а не на моих личных качествах. Сам я прекрасно сознаю, как многого мне ещё не хватает, чтобы считать себя в первых рядах своей науки. Правда, за это время, встречаясь лично со многими коллегами, имена которых привык раньше произносить с особым почтением, я убедился, что воблизи и они сами, и их знания оказываются совсем обычными и нередко даже вызывают полное разочарование. Думается, что и моя отечественная слава держится, главным образом, на моей удалённости» (СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 1062. Л. 326).

на трети-четверти высоты). При всей своей кажущейся малозначительности эти отличия приводили к неожиданно серьезным последствиям. Клапнет, изначально предназначавшийся для ловли птиц, состоявший из двух палок на шарнире, между которыми крепился мешок, был более громоздок и менее избирателен, чем сачки (к тому же управляться с ним можно было только обеими руками). «Английская» манера накалывания приводила к менее тщательному этикетированию собранных материалов (при «континентальной» манере насекомое располагалось в верхней части булавки, ближе к головке, и под его телом оставалось от двух третей до трех четвертей длины булавки для накалывания этикеток с информацией о месте сбора, названии насекомого и т.д.)⁶. Такие локальные различия, как и события трансфера исследовательских технологий, не всегда легко документировать, поэтому свидетельства современников, живо реагирующих на различия научных культур, приобретают особую ценность. Уваров удивлен (и, в зависимости от обстоятельств, то обрадован, то раздосадован) тем, что английские энтомологи не собирают насекомых массово, временно сохраняя их на слоях ваты, уложенных в бумажные конверты (эта технология и поныне широко применяется в России), предпочитая сразу накалывать каждый собранный экземпляр⁷.

Второй сюжет связан с формированием профессиональной идентичности и структурированием повседневного опыта. В Лондоне Уваров живет в сфере профессиональной энтомологии, где работа энтомолога воспринимается, скорее, как служба, чем как призвание и всепоглощающее дело жизни. Соответственно, при структурировании описания своей деятельности он делит энтомологические занятия на «служебные» (постановка коллекций, определение присланных материалов, ревизии групп саранчовых, важных в хозяйственном отношении) и «чисто приватные» (исследования по зоогеографии пустынь). Интересно, что Уваров подает свои «служебные» работы по саранчовым как серию ничем не примечательных «ревизий» и гораздо более подробно останавливается на «приватной» работе по зоогеографии пустынь. Между тем, одна из этих «ревизий» — та самая статья, в которой Уваров впервые выдвигает и обосновывает теорию солитарной и гregarной фаз саранчовых (Uvarov, 1921a).

Можно было бы предположить, что, как нередко случается, Уваров не понимает еще всего значения своей работы, однако текст статьи совершенно противоречит этому. «Теоретическое измерение» довольно четко прописано им. Здесь и новый аспект внутривидовой изменчивости (Уваров обсуждает вопрос о статусе выявленных им форм в контексте

⁶ О своеобразии и об эволюции традиционных английских практик коллекционирования см., например, работы Дэвида Аллена (Allen, 1976, в особенности, гл. 7) и Энн Ларсен (Larsen, 1996), в частности о смене «английской» манеры накалывания на «континентальную», см. свидетельство современника У. Холлэнда (Holland, 1894, p. 329).

⁷ Эта особенность настолько поразила Уварова, что он трижды возвращается к ней в публикуемом письме. Попытка Уварова научить английских энтомологов собирать «на вату» не имела большого или, по крайней мере, долговременного успеха, хотя ему и удалось «заразить» этим методом коллег из своего ближайшего окружения. В Британском музее естественной истории и сейчас не найти сборов на ватных матрасиках, в то время как в континентальных коллекциях (например, во Франции) они присутствуют в значительных количествах. Интересно, что в США, долгое время находившихся под влиянием британской традиции, ватные матрасики также, судя по всему, распространения не получили. Авторы пользуются случаем выразить благодарность В.А. Благодерову (Британский музей естественной истории), В.И. Гусарову (Музей естественной истории университета Осло), А.В. Решикову (независимый исследователь) и А.В. Лачининскому (Университет Вайоминга) за консультации по этому вопросу.

системы внутривидовых единиц, выделенных А.П., приходит к выводу о том, что ни одна из них не соответствует вполне тому, что имеет место в случае *L. danica* и *L. migratoria*, и предлагает новое понятие «фазы»), и ясное понимание значения этого открытия с точки зрения контроля за размножением саранчи. Уваров готовился к этой публикации несколько лет. Это, разумеется, не труд всей его жизни, но это отнюдь не «рядовая» работа. Окончательный (или даже более-менее убедительный) ответ на вопрос о том, почему Уваров именно таким образом презентовал отчет о своих изысканиях в письме к А.П., вряд ли возможен на данном этапе исследований, однако важно, по крайней мере, зафиксировать это как проблему, нуждающуюся во внимании историков науки.

Наконец, третий сюжет связан с восприятием происходящего в России. Об этом в письме не говорится ничего связного, но скупые ремарки о предполагаемой смерти А.П., предложения помощи, вопрос в Post Scriptum проходят по нему тревожным пунктиром. Все это трудно воспринимать в отрыве от контекста: Лондон, питающийся слухами, поступающими по эмигрантским каналам, некролог на А.П., опубликованный по получении смутных и, по счастью, ложных известий о его гибели. Тем интереснее свидетельство уверенности в преходящем характере этих потрясений — оптимистичный пассаж о возможном возвращении в Россию. Уваров всерьез полагает, что, когда все неурядицы так или иначе закончатся, он сможет завершить труд по зоогеографии пустынь уже в Петрограде, с опорой на коллекции Зоологического музея. Мы уже знаем, что эти планы не осуществились — Уваров смог ступить на российскую землю лишь много лет спустя, в 1968 г., когда он приехал на энтомологический конгресс, проходивший в Москве (Wigglesworth, 1971, p. 724), однако эта фраза, написанная в конце мая 1921 г., позволяет нам ощутить свежее дыхание открытости и непредсказуемости исторического процесса, которое в стране, приютившей Уварова, удачно зовут open-endedness.

Исследование поддержано Программой фундаментальных исследований Президиума РАН (0002-2015-0018).

22. V. 1921.
British Museum
Natural History
London S.W. 7⁸

Глубокоуважаемый Андрей Петрович!

Здесь циркулировало так много разных печальных слухов о Вас, что было большой и искренней радостью узнать, что они ошибочны. Я сообщил эту новость целому ряду английских энтомологов, которые давно и многократно спрашивали меня насчёт сведений о русских коллегах и, в особенности, о Вас лично.

Вам уже известно, вероятно, вкратце о моих делах здесь. Уже около года я состою ассистентом Бюро энтомологии, которое находится в Британском музее, хотя и без прямой организационной связи с ним, и имеет целью оказание содействия колониальным энтомологам в определении вредителей и вообще в их научной работе. Моя задача сводится к определению присылаемых материалов, пользуясь коллекциями Музея и литературой. Сначала я имел все группы кроме Diptera и Lepidoptera, но теперь приглашён второй ассистент, которому передана самая крупная группа — жуки, так что я теперь должен определять только (!) Hemiptera, Neuroptera, Hymenoptera и конечно, Orthoptera. Работа эта была бы весьма трудной и, пожалуй, непосильной, если бы колониальные энтомологи собирали насекомых в таких же количествах,

⁸ СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. № 1062. Л. 63–66.

как это делают наши, но, на самом деле, коллекции для обработки поступают с большими промежутками и обычно включают небольшое число видов. Конечно, затруднения встречаются часто — я только теперь понял, как еще мало сделано в области чисто описательной энтомологии, и как плохо многое из сделанного; сплошь и рядом приходится наталкиваться на неописанные формы, но выяснение, что она еще не описана, занимает всегда очень много времени. Все же благодаря неопытности энтомологов в коллектировании — весьма меня радующей — у меня остается больше половины свободного времени для работ по систематике Orthoptera. В этом я сделал немалые успехи и, главное, чрезвычайно расширил свой кругозор, знакомясь не только фауной палеарктической, но буквально со всех концов света. Работаю одновременно в разных направлениях. Во-первых, — это, так сказать, чисто служебная работа — ревизирую один за другим рода или большие группы, включающие виды, вредные в сельском хозяйстве. Я уже послал Вам одну такую ревизию рода *Doclostaurus (Stauronotus)*, начатую ещё в Тифлисе и законченную здесь. Заканчиваю также ревизию рода *Pachytylus*, который пришлось, несмотря на моё нежелание, переименовать в *Locusta*; так как я привлёк теперь к изучению и экзотические материалы, то получились интересные результаты, к каким я не мог прийти раньше на основании только палеарктических материалов, поэтому я несколько не жалею, что так задерживал публикацию моей работы по этому вопросу⁹. Сейчас начал работу над родом *Acridium*, включающим целый ряд видов «саранчи»; хотя в этой группе, которую придется разбить на несколько родов, почти нет палеарктических представителей, эта работа будет для меня крайне полезна в методологическом отношении. Кроме этого, привожу в порядок и «ставлю» коллекцию Музея по саранчовым, которая, надо сказать, меня изрядно разочаровала. Дело в том, что за всё время существования Музея только один W. Kirby¹⁰ отчасти интересовался Orthoptera, но и то понимал в них очень мало. Понятно, что коллекция довольно слаба, так как никто не хотел собирать группу, по которой никто не работает; кроме того, установлена она была Kirby, когда он составлял свой каталог. И только теперь я вижу, сколько ошибок и явных неточностей он допустил в этом каталоге. Со времени смерти Kirby, то есть почти 10 лет, никто не заглядывал в Orthoptera и накопилось довольно много необработанных поступлений — хотя, конечно, их должно было быть в десятки раз больше, если бы английские энтомологи собирали так же, как наши, но ведь они положительно не знают¹¹ способа собиранья на вату и все накалывают на месте — конечно, много таким способом не соберешь. Вот я постепенно и обрабатываю новые материалы и ввожу их в основную коллекцию; работа эта, конечно, имеет для меня огромное образовательное значение.

Наконец, последнее направление моей работы совсем не служебное, а чисто приватное, и интересом к нему я обязан в значительной степени Вам. Это изучение фауны пустынь Orthoptera северного полушария, конечно палеарктического. Я уже в Тифлисе закончил большую работу по фауне прямокрылых Кавказа и сопредельных стран (Северная Персия, Армения, Малая Азия) и пришел к тому, что даже рискнул дать новую карту зоогеографического деления всего этого громадного района, напечатать эту работу там не было бы возможности, и я привез ее сюда, но здесь печать ее по-английски нет смысла, и я сдал в печать только зоогеографические

⁹ Опубликована в «Бюллетене энтомологических исследований» (Uvarov, 1921a). Именно в этой статье Уваров, опираясь на обширный сравнительный материал и ранее выполненные наблюдения и эксперименты, выдвинул предположение о том, что *Locusta danica* и *L. migratoria* суть формы одного вида — солитарная и гregarная «фазы» соответственно.

¹⁰ Кёрби Уильям (William Forsell Kirby, 1844–1912) — фольклорист и энтомолог. Специализировался на Lepidoptera и Othoptera, автор трёхтомного каталога саранчовых мировой фауны (Kirby, 1904–1910).

¹¹ Подчёркнуто Борисом Уваровым.

выводы из нее с картой; в скором времени она должна будет выйти, и тогда я буду с громадным интересом ожидать Вашего приговора¹². Так вот, при изучении зоогеографии Южного Закавказья я натолкнулся на ряд интереснейших вопросов, касающихся происхождения и состава фауны пустынь. Относительно состава моё (предварительное) мнение таково, что пустыни Средней и Юго-Западной Азии и Северной Африки (кроме гористой северо-западной части)¹³ обладают фауной столь своеобразной, что объединять их со Средиземноморской подобластью Палеарктики отнюдь нельзя, а надо выделять в особую пустынную подобласть. В своей статье я привёл соображения по этому поводу и думаю, что достаточно обосновал свое заключение, которое, если я не ошибаюсь, вполне согласно с Вашими воззрениями на этот предмет. Теперь я задался целью возможно полнее выяснить состав фауны пустынной подобласти в особенности её азиатской части. Удалось уже кое-что сделать в этом направлении. Так, обработал два недурных сбора из Месопотамии, давших некоторую картину фауны этой страны. Затем обработал весь материал, накопившийся в Британском музее из Персии, Афганистана, Белуджистана и Аравии, а также получил все из этих стран из Парижского музея. В обоих музеях оказалось, правда, очень немного материала, но я считаю полезным опубликовать и зафиксировать все данные; конечно, много новинок, которые я описал. Затем ожидаю поступление материала из северо-западной Индии и Белуджистана от Бомбейского естественно-исторического общества. Далее, недавно уехал энтомолог в Палестину — мой приятель Dr. Vuxton¹⁴, который собирал для меня в Месопотамии и которого я научил собирать «по-русски» на вату, чем он очень доволен; я полагаю что ознакомление с малоизученной фауной Палестины прольёт свет на истинный зоогеографический характер многих пустынных форм, хотя сама Палестина вряд ли входит в пустынную подобласть. Наконец, крайне любопытные данные получаются при сравнении фауны наших пустынь с южно-африканской фауной, с которой, несомненно, есть древнее родство; конечно, я имею очень мало данных по этому вопросу, так как я положительно поражаюсь тому, как мало изучена фауна прямокрылых Южной Африки — казалось бы, наиболее старой и наиболее культурной из английских колоний. Скоро ожидаю получить оттуда большой материал, который даст мне возможность несколько ближе вработать в эту фауну. Затем пустыни Внутренней Индии (не говоря о северо-западной Индии, которые совсем палеарктические) также представляют громадный интерес для выяснения вопроса о фауне наших пустынь. Оттуда я тоже рассчитываю получить материал для обработки. Конечно, я отнюдь не имею ввиду давать теперь же что-либо цельное по фауне пустынь — это совершенно невозможно без критической обработки материала Зоологического музея Академии наук, где накоплены сокровища, подобных которым, безусловно, нет нигде, я имею сейчас в виду только одно — использовать и опубликовать все материалы, накопившиеся в европейских музеях, а когда-нибудь в Петрограде попытаться подвести итоги¹⁵.

Попутно и между прочим наворачиваются, конечно, и другие темы, слишком соблазнительные, чтобы оставить их без внимания. Так, наш друг Mr. Burr¹⁶ собрал во время войны хороший

¹² Опубликовано в «Трудах Лондонского Зоологического общества» (Uvarov, 1921b).

¹³ Подчёркнуто Борисом Уваровым.

¹⁴ Бакстон Патрик (Patrick Alfred Vuxton, 1892–1955) известен работами в области медицинской энтомологии. В Месопотамии Бакстон оказался в 1917 г. как военный медик. В Палестину он уехал в марте 1921 г., чтобы занять должность энтомолога в Медицинском департаменте.

¹⁵ Выделенное курсивом отчеркнуто красным карандашом, видимо, А.П. Семеновым-Тян-Шанским при чтении.

¹⁶ Бэр Мальком Артурович (Malcolm Burr, 1878–1954) — энтомолог-любитель, геолог и литератор. В СПФ АРАН сохранилась обширная переписка Бэра и Семенова-Тян-Шанского за 1901–1941 гг. (Ф. 722. Оп. 2. Д. 160), и в частности упомянутое ниже письмо (Л. 299) от 8 июня

материал в Македонии и передал его мне для обработки, так как сам он сейчас занят промышленными делами в связи с голландской нефтяной фирмой, почти не бывает в Лондоне и совсем лишен возможности работать научно. Я ему сообщил о Вас, и он, конечно, напишет Вам. Его сбор очень интересен и знакомство с балканской фауной даст много для освещения происхождения фауны Малой Азии, с одной стороны, и южно-русских степей — с другой. Обещаны мне также материалы Софийского Музея через посредство С.А. Мокржецкого¹⁷, который служит инспектором по борьбе с вредителями насекомых при Болгарском Министерстве земледелия.

Простите пожалуйста, что я так много и небрежно написал: я так давно не имел возможности побеседовать с Вами, что не мог остановиться не поделившись всеми своими главными стремлениями.

Георгий Георгиевич [Якобсон]¹⁸ сообщит Вам, что мне удалось достичь в смысле отправки для Р.Э.О. энтомологической литературы¹⁹.

Очень просил бы сообщить, не могу ли быть чем-либо полезным лично Вам. Если бы сообщили, можно ли отправлять посылки и что именно можно и необходимо, был [бы] очень рад. Если возможность реализовать англ[ийскую] бумагу, вложу в следующее письмо — сообщите²⁰.

Искренне преданный Вам, Б. Уваров

PS. Не знаете ли чего-либо о Н.Ф. Иконникове²¹?

1921 г. из Загреба, Югославия: «Был просто в сумасшедшем восторге, ибо давно уже потерял всякую надежду напрочь, когда узнал от одной дамы в Лондоне, бывшей в Петрограде до марта прошлого года, что она действительно знала как одиноко С[еменов]-Т[ян]-Шанский погиб в Рязанской губернии [где располагалось имение Семеновых-Тян-Шанских]. Поэтому я исполнил свой печальный долг и написал ваш некролог в Ent. Record 1921, vol. XXXIII p. 19. Пришлю Вам экземпляр». Некролог действительно был опубликован (Current notes... 1921). Кроме того, слухи о предполагаемой смерти А.П. Семенова-Тян-Шанского со ссылкой на Бэра обсуждались в заседании Лондонского энтомологического общества 3 ноября 1920 г. (Proceedings... 1921, p. LXXIX).

¹⁷ Сигизмунд Александрович Мокржецкий (1865–1936) с 1894 г. — энтомолог Таврического губернского земства, в 1920 г. эмигрировал, с 1922 г. — в Польше, создатель и руководитель Института энтомологии и охраны леса в Главной школе сельского хозяйства в Варшаве.

¹⁸ Г.Г. Якобсон (1871–1926) — энтомолог, сотрудник Зоологического музея Академии наук. Наиболее известен двумя обширными сводками о «прямокрылых и ложносетчатокрылых» (к этой сборной группе относили тогда почти все отряды насекомых с неполным превращением, за исключением хоботных) и жуках Российской Империи. В 1909–1917 гг. исполнял обязанности секретаря РЭО, с 1921 г. председатель отделения прикладной энтомологии РЭО и профессор энтомологии в Петроградском сельскохозяйственном институте. Биографию в серии очерков О.Л. Крыжановского (2002а) об энтомологах Зоологического института РАН.

¹⁹ Сбор энтомологической литературы для РЭО Уваров организовал, обратившись в несколько энтомологических обществ (Лондонское, Французское, Испанское и Американское). Литература высылалась как напрямую в Петроград, так и через Американскую администрацию помощи (American Relief Administration) и Финляндию. О роли финских учёных в книгообмене между Советской Россией и международным научным сообществом см.: Nakkarainen, 2012.

²⁰ В письмах Уварова 1920–1930-х гг. к петроградским / ленинградским коллегам (Н.Я. Кузнецову, М.Н. Римскому-Корсакову и др.) встречаются указания на то, что Уваров высылал не только литературу, но и бумагу, продукты, а в начале 1920-х гг. и некоторые суммы денег — помощь английских энтомологов бедствующим петроградским коллегам.

²¹ Николай Флегонтович Иконников (1885–1970) в молодости — энтомолог-любитель и политический деятель, впоследствии, в эмиграции, получил известность как крупнейший специалист в области генеалогии русского дворянства (обширная подборка материалов об Н.Ф. опубликована «Трудах русского генеалогического общества»; см. Формулярный список... 1994; Иконников, 1994). На момент написания письма Н.Ф. после ряда опасных приключений

Литература

- Иконников Н.Ф.* Автобиография / Пер. с фр. Т.В. Григорьевой-Карамышевой, ред. и примеч. О.М. Карамышева // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 68–71.
- Крыжановский О.Л.* Г.Г. Якобсон (1871–1926) // Отечественные зоологи: Э. Менетриэ, Г.Г. Якобсон, А.П. Семёнов-Тян-Шанский, А.Н. Рейхардт, А.А. Штакельберг, В.В. Попов, Г.Я. Бей-Биенко, Г.А. Клюге, П.В. Ушаков / Под ред. Г.Н. Бужинской, А.В. Гусева. СПб.: ЗИН РАН, 2002а. С. 12–17. (Труды ЗИН РАН. Т. 292).
- Крыжановский О.Л.* А.П. Семенов-Тян-Шанский (1866–1942) // Отечественные зоологи: Э. Менетриэ, Г.Г. Якобсон, А.П. Семёнов-Тян-Шанский, А.Н. Рейхардт, А.А. Штакельберг, В.В. Попов, Г.Я. Бей-Биенко, Г.А. Клюге, П.В. Ушаков / Под ред. Г.Н. Бужинской, А.В. Гусева. СПб.: ЗИН РАН, 2002б. С. 18–27. (Труды ЗИН РАН. Т. 292).
- Формулярный список Н.Ф. Иконникова / Публ. и комм. А.А. Шумкова // Известия Русского генеалогического общества. 1995. Вып. 4. С. 66–68.
- Allen D.E.* The naturalist in Britain: A social history. London: A. Lane, 1976. 292 p.
- Current notes and short notices // The entomologist's record and journal of variation. 1921. Vol. XXXIII. № 1. Pp. 19–20.
- Hakkarainen J.-P.* Books for the Precious Brains. Re-establishing the International Scientific Relationships with Russian Scholars through the Relief Programme of Academic Relief Committee of Finland in 1921–1925 // Sociology of Science and Technology. 2012. Vol. 3. № 1. P. 24–44.
- Holland W.J.* The collection and preservation of insects // Hornaday W.T. Taxidermy and zoological collecting; a complete handbook for the amateur taxidermist, collector, osteologist, museum-builder, sportsman, and traveller. 4th Edn. New York: C. Scribner's sons, 1894. Pp. 305–338.
- Kirby W.F.* A Synonymic Catalogue of Orthoptera. 3 vols. London: British Museum Natural History, 1904–1910.
- Larsen A.* Equipment for the field // Cultures of Natural History / Ed. by N. Jardine, J. Secord, E.C. Spary. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 358–377.
- Proceedings for 1920 // The Transactions of the Entomological Society of London. 1920. P. i–xcii.
- Uvarov B.P.* A revision of the genus *Locusta*, L. (= *Pachytylus*, Fieb.), with a new theory as to the periodicity and migrations of locusts // Bulletin of Entomological Research. 1921a. Vol. 12. P. 135–163.
- Uvarov B.P.* The geographical distribution of Orthopteran insects in the Caucasus and in Western Asia // Proceedings of the Zoological Society of London. 1921b. Pp. 447–472.
- Waloff N., Popov G.B.* Sir Boris Uvarov (1889–1970): The father of Acridology // Annual Review of Entomology. 1990. Vol. 35. Pp. 1–24.
- Wigglesworth V.B.* Boris Petrovitch Uvarov. 1889–1970 // Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society. 1971. Vol. 17. P. 713–740.

чений уже находился за пределами Советской России, эмигрировав вместе с отступающими частями Белой армии. До обнаружения ответного письма трудно сказать, что мог сообщить А.П., однако, узнав новости об Иконникове, Уваров в одном из следующих писем сетовал: «Очень грустно было узнать о Н.Ф. Иконникове. При всей его стремительности, он начал работать хорошо и постепенно стал бы, мне думается, очень полезным работником» (СПФ АРАН. Ф. 722. Оп. 2. Д. 1062. Л. 75).

“...if the English Entomologists Collected Insects in the Quantities Collected by Our Own Scientists...”: the First Letter by Boris Uvarov to Andrey Semenov Tian-Shanski Sent from London

INTRODUCTION AND COMMENTS BY ALEXEI V. KOUPRIANOV, ANASTASIA A. FEDOTOVA

National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia;
alexei.kouprianov@gmail.com
St. Petersburg Branch of the Institute for the History
of Science and Technology named after S.I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
f.anastasia.spb@gmail.com

A letter dated May 22, 1921 (London) by Boris Uvarov (1889–1870), a Russian-born entomologist and author of the phase theory (which provided the rational foundation for the control of locusts), to his colleague and teacher, zoogeographer and taxonomist, Andrey Semenov Tian-Shanski (1866–1942) is published for the first time. The letter is remarkable in three respects. First, it provides an account of Uvarov’s encounter with local British collection practices and documents a partly successful attempt at introducing a practice of collecting insects using cotton layers, which had proven unpopular in Britain. Secondly, it offers a glimpse into the ways in which professional entomologists of the period rationalised and structured their accounts of their everyday activities. And, thirdly it documents contemporary attitudes to the instability in Russia during the years following the Revolutions of 1917 and the Civil War. The letter is provided with biographical and bibliographical commentaries of the persons and publications mentioned.

Keywords: Boris Uvarov, Andrey Semenov Tian-Shanski, entomology, collections, correspondence, locust, zoogeography.